

ЕКАТЕРИНА АСМУС

РОК

ВЕК

AS

Екатерина Асмус

Рок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572500

ISBN 9785449678812

Аннотация

Книга посвящена историям из жизни музыкального петербургского андеграунда периода «перестроечных 90-х». Это детективная трагикомедия о любви и предательстве, о творчестве и об одиночестве. «У меня к этой книге отношение особое. Это тот редкий образец современной прозы, который доставляет ни с чем не сравнимое эстетическое и литературное удовольствие». (Елена Бойцова, журналист, о романе «Рок»)

Содержание

ЕКАТЕРИНА АСМУС	5
АВТОР	5
ЛЯЛЬКА	7
СЛУЖЕБНЫЙ БУФЕТ	12
РОК	16
ЗАКУЛИСЬЕ	19
МИТЮХИНА КВАРТИРА	24
БРАТУШКИ	28
НАСТОЙКА БОЯРЫШНИКА	32
НЕСМЕЯНОВКА	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рок

Екатерина Асмус

© Екатерина Асмус, 2019

ISBN 978-5-4496-7881-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕКАТЕРИНА АСМУС

РОК

АВТОР

Дорогие мои искатели удовольствий и приключений! Я понимаю, что по прочтении нижеизложенного вам захочется непременно найти эту квартиру и тех самых людей. Или – вы вдруг вспомните, что бывали когда-то там, среди них. А может, вам привидится, что вы сами были кем-то из них. Это невозможно, судари мои! Не верьте тому, кто скажет, что точно был там и именно с ними. Сие всего лишь видение, плод, так сказать, литературного гипноза.

Да и в квартире той давным-давно засели какие-то сомнительные офисы.

Дабы предотвратить обвинения в заимствованиях, автор признает сразу, что некоторые нижепоследующие истории были видены автором в различных уголках земного шара или услышаны от неких путешественников, равно как и ставшие ныне уже «крылатыми» слова и выражения.

Стихи же, органично вплетенные в данное повествование, являются несомненной интеллектуальной собственностью Анны Асмус.

ЛЯЛЬКА

Лялька поспешно поправляла растрепавшуюся прическу. Шеф выдавал указания, застегивая рубашку, как будто бы и не прерывал свою речь на несколько минут.

– Поедешь к Лысому, – наставлял он, – на студию «Радио Вулкан». Дашь ему денег за нашу рекламу, а то он, жучара, в долг ни строчки не выпустит в эфир.

Голос начальника доносился, прерываясь – Лялька уже проскользнула в офисную кухню. Следовало незамедлительно подать шефу чашечку кофе, если не хочешь, конечно, чтобы тебе в голову полетело что-нибудь тяжелое. Потому что баловень судьбы и директор ООО «Лаванда» Толян Михальчик время свое «ценит и уважает».

Размешивая кофе в турке (растворимый – ни-ни даже не предлагать), Лялька, как обычно, завидовала шефу. Ну почему вот, например, родители Толяна из богатой Абхазии, а у нее, наоборот, из забытого богом городишки Матюжково? Или вот еще: Михальчик вырос в шикарном трехэтажном доме – фотки показывал, хвастался, а у Ляльки дома, в обветшалой коммуналке даже теплого сортира не было. Почему в мире подобное неравенство творится, а? Она, Ляlecka – ого-го! Когда идет на работу мимо рынка – никто из лоточников не остается равнодушным! Всякий окликнет: «Эй, красавица, падхады, э!» В родной округе от женихова

отбоя не было! А мерзкий пузан Михальчик? Фууу! Смотреть противно! Но что делать? Деньги, они всегда у таких! «Кошелек и ушки», блин! От мыслей о мировой несправедливости Ляльку отвлек чувствительный пинок – Михальчик, подбоченясь, навис рядом и смотрел: то – на неё, то – на уже убегающий кофе.

– Слышь, Лялёк! Ну, до чего ж ты медленная, что твой квелый таракан! – заворчал шеф. – Давай, ноги в руки – и к Лысому, роняя тапки!

Лялька подхватила и стала старательно прихорашиваться – поправлять попорченный макияж. Наконец «сексуальный рот» был восстановлен, начес на затылке – обновлен и тщательно залачен, и не прошло и часа – как она выплыла из конторы под непрерывное и недовольное михальчиковское жужжание.

Радийщик с неромантичной кликухой «Лысый» оказался галантным кавалером, правда, на вид – такой же мерзкий пузан, как и шеф, но не в пример щедрее. Окинув Ляльку масленным взглядом, он сразу предложил кофе с коньяком и шоколадкой. И зашелся в экстазе, рассказывая про то, какой он крутой продюсер. Вот сейчас, прямо в эту минуту, начинается мега-рок-фестиваль, который он, Лысый, бесплатно два месяца рекламировал. А все потому, что «Радио Вулкан» у него – для денег, а рок – родное, с детства любимое!

– Сам в группе играл! – умильно мычал Лысый. – В школе еще! Эх, мечта была... Я ж басит прирожденный! – И бил

себя в грудь, поглядывая на Лялькины оголенные коленки. Красная опухшая морда колыхалась над столом, похоже, Лысый уже отметил начало феста.

– А хошь, поедем ща на открытие! – осенило Лысого.

Перспектива появиться в обществе «с молодой» понравилась ему так, что он тут же бросился звонить Михальчику.

– Толяныч, друг! Пусть твоя со мной съездит! – заорал он в трубку.

Трубка недовольно задребезжала в ответ.

– Ну, Толяныч... Братан ты мне или жаба навозная? Я ж Люську свою уволил – достала, шалава, а «выездной» у меня нет! Ну, ладушки? Да будем ратировать тебя, не бойсь, ну ладно, с бонусом! – плотоядно усмехнулся Лысый, отключаясь от сети.

КОФЕЕ ЗА

Ляльке, чьи познания в музыке ограничивались покло-
нением группе «Заводные девчонки», было глубоко напле-
вать на все эти фестивальные тусовки. Но перспектива рас-
крутить Лысого на хороший обед и выпивку маячила весь-
ма реально. Нацепив самую томную улыбочку, она выплыла
из кабинета, вихляя задом как, ей казалось, делают это зна-
менитые манекенщицы (показы мод она регулярно смотре-
ла в офисе по телеку). Благо, ранняя осень была трепетно
тепла, и можно было красоваться в сетчатых чулочках и ми-

ни-юбочке.

Увидев на улице автомобиль Лысого, большой, блестящий и авторитетный, она совершенно загордилась, предвкушая, как будет вылезать из тачки около концертного зала, на глазах у изумленных неудачников.

Коньяк буфетный

СЛУЖЕБНЫЙ БУФЕТ

«Престижное место», куда Лысый приволок Ляльку, разочаровало её, чуть ли не до слез! Небольшое, насквозь прокуренное помещение за сценой, с корявой вывеской «Служебный буфет». И в такую-то убогость пускали только по специальным бэйджам! «Да в жизни б добровольно не пошла!» – подумала Лялька, озираясь по сторонам. Мечты о шикарном обеде рассыпались в прах. За обшарпанными круглыми пластиковыми столами выпивали и курили монструозные личности в татуировках, заросшие длинными немытыми волосами, в серьгах и кожаных косухах. Девчонки – в драных свитерах, бесформенных юбках, обвешанные дурацкими бисерными «фенечками» и глупыми дешевыми амулетами. Но им всем было весело! То и дело встречались знакомые и расцеловывались с громкими возгласами и демонстративным чмоканьем. Лысому, правда, монстры оказывали всяческое почтение и благодарили за помощь. Но Лялька чувствовала себя неудобно, и ей даже стало казаться, что ее парадно-выходная зелененькая юбочка из плюша-стрейч для этого заведения через чур коротка.

Наконец Лысый добыл-таки бутылку буфетного коньяка, припахивающего ванилью. Хлопнули по первой рюмашке, при этом радийщик интимно просипел: «За нас!».

Лялька решила расслабиться и получить удовольствие,

невзирая на безнадежную невзрачность обстановки. Делая вид, что слушает откровения неудавшегося рокера, она при-
сматривалась к компании за соседним столом, где молодые
люди с гитарами потешались над приятелем, который успел
изрядно набраться паленой и потому дешевой местной вод-
ки. Его невнятные попытки рассказать некую историю встре-
чались взрывами хохота. Лялька разглядывала парня. Высо-
кий и статный, с гривой густых темных волос, перехвачен-
ных сзади – вот это да – кружевной резиночкой от женско-
го чулочка! И, конечно, в немыслимой рванине, как здесь,
видно, и принято. Но лицо парня было добрым, а в больших
карих глазах плескались искорки задорного веселья. Он ни-
сколько не обижался на друзей, а смеялся вместе с ними над
своей нескладной речью.

А потом произошло неожиданное! Лысый отлучился «по-
решать финансовые вопросы», как он выразился, делая круг-
лые, значительные глаза. И Лялька осталась в одиночестве.
Парень, над которым смеялись за соседним столом, встал,
собираясь направиться к буфетной стойке (очевидно, за но-
вой порцией спиртного), но в этот момент взгляд его поймал
Ляльку и... В следующую минуту он ринулся к ней, бухнул-
ся на колени и приняв к ее руке в долгом поцелуе.

– Моя королева! – обратился он к ней церемонно. – По-
чему ты покинула вассала своего так внезапно?

Онемевшую Ляльку привел в чувство взрыв хохота за со-
седним столом.

– Это не она, Малыш, – давясь от смеха, крикнул паренек в косухе.

Тот, кого называли Малышом и ухом не повел. Напротив, он продолжал свою напыщенную речь, стоя на коленях и не отпуская Лялькину руку.

– Прекрасная королева, неужели ты бросишь несчастного рыцаря сегодня вечером одного? Мое сердце не выдержит, оно разорвется! – вдруг заорал он, картинно хватаясь за то место, где подразумевалось сердце.

Теперь веселился уже весь буфет. Лялька сидела вся красная, обмерев от смущения, чего с ней давненько не случилось. Она очень гордилась своим умением «обвести вокруг пальца любого говнюка» (по ее собственному выражению), но эта история не лезла ни в какие рамки! Никто и никогда так выпренно к ней не обращался. Неизвестно, сколько бы еще продолжалось это представление, но вмешалось обстоятельство непреодолимой силы. Из буфета можно было напрямиком попасть за кулисы. И вот именно оттуда и вынырнуло «обстоятельство», оказавшееся худой, нескладной и очень коротко стриженной девчонкой в очках. Бледная, в мешковатом свитере, она стремительно влетела в буфет и заорала: «Малыш, гад, ты где?! Все на сцене уже!» И тут, увидев предмет поиска, распластавшийся у Лялькиных ног, она прибавила еще фразу, состоявшую исключительно из непечатной брани.

– Стасенька, мы сейчас... Мы поможем! – заполошились

нетрезвые дружки, увлакивая Малыша и его гитару по направлению к кулисам.

Буфетные граждане уgomонились и отвернулись от Ляльки, потеряв к ней интерес. А она сидела еще некоторое время, как громом пораженная.

РОК

Лялька никак не могла успокоиться, даже коньяк не помогал. А посему, позабыв про Лысого, она стала пробираться между столиками к дверям, ведущим в закулисье. Состроив глазки охраннику, который, потеряв бдительность, пялился на аппетитный Лялькиный бюст, она проскользнула в щель и оказалась практически на сцене, скрытая занавесом. Здесь стоял невиданный пульт, мигающий разноцветными лампочками, ручки которого крутил низкорослый дядька, весь в амулетах и с длиннющей седой косой, переброшенной по-девичьи через плечо. Шепотом переговаривались избранные «тусовщики», которым был разрешен вход в закулисье. Протолкавшись между ними, Лялька, наконец, увидела всю команду, выступавшую на сцене. Круглолицый барабанщик, самозабвенно молотящий по установке, небезызвестная уже мерзкая девица по имени Стася с гитарой в руках, кудрявый клавишник, хорошенькая девчонка с флейтой... И – Малыш... Он пел, закрыв глаза, подыгрывая себе на гитаре, а мокрая прядь волос прилипла к плохо побритой щеке. Почти касаясь губами микрофона, Малыш выкрикивал какие-то слова, теряющиеся в шуме и грохоте, производимом его музыкантами, но Лялька не слушала... Она смотрела на его лицо, самозабвенно зажмуренные глаза, на мускулы рук, сильные плечи, и что-то такое делалось в ее неумелой

душе, что она и сама не понимала. Публика в «яме» скакала и скандировала известные ей из песни слова, группа дошла до шумового апофеоза, только Малыш, казалось, парил над всем этим, сам в себе и сам с собой, будто бы было ни зала, ни буфета, ни публики этой, ни закулисья.

«Твой бывший муж
Флиртует в метро,
Считает, что ты – безнадёжна.
Он ненавидит тебя за то,
Что тебе всё на свете можно.
Твой бывший муж —
Славный парень.
Ты варишь ему кофе,
А он бренчит на рояле,
Сидя в одной пижаме.
Он трахает подруг твоих друзей
Или мечтает трахнуть!
Когда он заходит в гости к тебе —
Ты начинаешь чахнуть.
Вот такой у тебя был брак:
Не бракованный, а счастливый.
Вы катались в метро, между
Купчино и Электросилой.
Ты раньше кидала кубик в бульон,
Чтобы он не сказал, что пресно.
Вы развелись потому, что вам
Стало в квартире тесно».

Очнулась Лялька от того, что за спиной произнесли капризным голоском:

– Ну, до чего говнорок утомил, сколько ж можно начинающих-то гнать?

Это проговорила полненькая блондиночка, увешанная золотом и брюликами, в розовой ковбойской шляпе и розовых же кожаных штанах.

– Лесечка, потерпи, – уговаривал подругу траченный моллю «ковбой» в золотых казаках и белой шляпе. – Эти чуваки – на разогреве, не сразу же мэтров выпускать!

– Лёлик! – кривлялась богачка, – в Лондоне на концерте «Бладхаунд Ганг» никакого разогрева не было! Поехали, а «Асторию», я есть хочу!

Старикашка Лёлик, целуя капризнице ушко, что-то горячо зашептал, шевеля усами. Лялька, уничтожив взглядом гнусную выскочку (ну за что вот таким вот – *все!*), завертела головой в поисках своего кумира, но... Пропустила! Группа исчезла со сцены через другую кулису, а микрофоном завладел некто в белой длинной робе и с абсолютно гладким, блестящим черепом.

ЗАКУЛИСЬЕ

Оглядевшись, Лялька заметила крошечный коридорчик в глубине закулисья, в котором, по-видимому, и скрылась группа, закончив выступление. Тихонечко, дабы не привлекать к себе внимание, Лялька проскользнула поближе к коридорчику и незаметненько юркнула внутрь. Коридорчик был чрезвычайно узенький, с неимоверно грязными, сплошь разрисованными граффити стенами. Проход внезапно обрывался еще более узкой и очень крутой винтовой лестницей, ведущей куда-то вниз, вниз и вниз. Буквально скатившись с нее – не для шпилек-каблучков, о нет – Лялька оказалась в очередном заплеванном и прокуренном коридоришке, в который выходило штук шесть дверей, с надписями: «Грибная». Почти все дверки были открыты настежь и оттуда раздавались звуки настраиваемых инструментов, разговоры и хохот.

Потихонечку, стараясь не цокать металлическими каблучками, Лялька двинулась вперед, заглядывая в проемы дверей. Во всех комнатках наблюдалось примерно одно и то же: ребята и девушки (те самые, буфетные граждане), одетые в странные мешковатые или, наоборот, сильно утягивающие кожаные одежды, курили, выпивали, хохотали, целовались, а некоторые – спали, уронив головы на стол.

Предмет поиска обнаружился в самом последнем, угло-

вом помещении. И, конечно, не один. Правда, к счастью, никаких девчонок в пределах видимости не было, и Лялька застыла на пороге, став свидетельницей такой вот картины. На полу, посреди комнаты спал, мирно похрапывая, Малыш. На столике у окна виднелся «отчет о проделанной работе» – пустая литровка из-под водки «Охта», три пластиковых стаканчика и корка от апельсина, исполнившего, вероятно, роль закуски. Тут же маячила жестяная банка с горой окурков. Трое пареньков, стоявших над телом, деловито обсуждали возможность выноса его, с целью дальнейшего перемещения в пространстве.

– Черт бы драл Стасендру – умотала, и – хоть бы хрен! – возмущался паренек с фиолетовыми «дредами» и в полосатом балахоне с изображением большого разлапистого зеленого листа.

– Вот бабы! Всегда так – обиделась, мол, и все дела, а что обижаться-то? Концерт же – отметить надо! А что тут пить? – вторил ему высокий крепкий парень в ковбойской шляпе и кожаном жилете, надетом прямо на голое тело. – Кто думал, что малый так быстро рубанется?

– Так он еще до концерта убрался не по-детски! – вступил в разговор третий – абсолютно лысый, улыбчивый колобок. – Вот Стасюха и завелась – бесит он ее, когда пьяный ко всем девкам вяжется! – сообщил он, и заразительно хохоча.

– Хорош, Ушастик, ржать-то! – перебил его парень в шля-

пе. – Давай братуху поднимать, и поехали, выжрут же все без нас, волки позорные.

– Не получится, – авторитетно сообщил паренек с дредами. – Малыш если так вот свалится, то ровно шестьдесят минут – не кантовать ни разу, а то заблюет все вокруг ровным слоем. Да и не поднять его – тяжелый, черт, когда пьяный – чисто колода деревянная. И в тачку не один бомбила его не возьмет.

– Ну и что ты предлагаешь, Дреда? – спросил у дружка Ушастик и тут, увидев Ляльку, расплылся в полупьяной улыбке. – Сестреночка! Родненькая, спасительница! Благодетельница! А денежки есть у тебя в бисерном кошелечке?

– Есть, – ошарашено ответила Лялька, абсолютно сбита с толку этими ёрническими причитаниями.

– Ну, вот же и ладушки, вот же и хорошочки. – Колобок схватил ее за руки и, ласково глядя в глаза, быстро-быстро заговорил: Слушай, сестреночка, ты посторожи братушку, а? А то они там, понимаешь... А мы – здесь! Выжрут ведь все, черти. А я тебе адресок оставлю – вот!

Он нацарапал что-то на куске невесты как уцелевшей салфетки

– Малыш как проснется – через полчасика, – ты его бери, сажай в машиночку и к нам привези. Денежки-то есть? Сама сказала. А мы отдадим. Ну, ей-богу, сейчас не при деньгах, а там отдадим, ну, ладушки? – проговаривая все это, он отступал потихонечку в коридор, пятась задом, а двое его

дружков, уже выбрались за это время наружу и ждали, пока продиктуются последние указания.

– Ну, ждем вас скоренько, целующики! Адресок не потеряй! – выкрикнул напоследок Ушастик, и всех троих как ветром сдуло.

А Лялька осталась тупо стоять над телом мирно спящего Малыша и мяла в руках огрызок салфетки, который всучил ей расторопный лысый колобок. Опомнившись, она развернула скомканный клочок и прочла: «Морской переулок, второй перекресток, через первый двор, во второй двор – колодец, с угла налево, под крыльцо – Митюхина квартира».

МИТЮХИНА КВАРТИРА

Сюда приходили и днем, и ночью. По одному и целыми компаниями. С характерно позвякивающими авоськами. Музыканты, поэты, художники, просто интеллектуалы, знаменитые уже или только подающие надежды. Низкие первогоэтажные окна выходили прямо на улицу, можно было, перед тем как войти – заглянуть, увидеть, кто в гостях, и решить, нравится тебе компания или нет.

Квартира в старинном доме, на пересечении двух самых центральных магистралей Города, неизвестно как досталась непутевому Митюхе. Об этом ходили слухи и легенды, совершенно ничем не подкрепленные. Одни говорили, будто прадед Митюхи владел прежде всем домом, да и не только этим, а еще многими, да и иными сокровищами в придачу. Другие резонно возражали, что с таким происхождением давно бы уж уплотнили Митюху до нуля, и пролетарии всех стран объединились бы в его квартире, а все наоборот, и дед Митюхи был доверенным человеком в тогдашних смольнинских коридорах и служил исключительно по чрезвычайным поручениям... Так это было или иначе, но собирались гости ежевечерне в этом гостеприимном доме, набитом пыльными раритетами. Квартира была старинная, с высоченными потолками, кучей кроватей, расставленных в самых неожиданных местах, с просторной гостиной и круглым столом, над

которым, конечно же, абажур с кистями...

Компания разношерстная: кто-то – уже на пике популярности, а кто-то, наоборот, избит жизнью, едва держится, но этому салону – все равно, здесь всех любят одинаково и запрещено задаваться. Да никто и не задается! Болтают об искусстве – и все! Поэты в запале литературного спора кроют матом виртуозно. Филологи, если дамы обыгрывают их в преферанс, загибают такие словечки, что небо скрючивается. Ну, иногда, конечно, и под столы падают и ссорятся, и дерутся даже! И влюбляются. Или – просто так, потому что это приятно... И никогда не знаешь, кто придет сегодня, даже сам хозяин не в курсе! Звонок в дверь – и вот, новые гости потрошат мешки с подношениями. Гитара на стене. Рояль черный лаковый, с облупленным боком. Все, кто играть умеет и петь – пожалуйста. И стихи... Таперам вместе не спать – только по очереди – чтобы музыка не замолкала. Потому что песни поют. Целый день и всю последующую ночь. Когда романсы, а когда – рок-н-рол, а иной раз – блюз или арии оперные. А бывает – и частушки матерные. А то – лирику читают. А то – сорвутся и едут в другие гости или в концерт. Даже те, кто ходить уже не может. Их тоже выводят прогуляться.

А вернувшись – начинают все по-новой! Ведь по дороге-то, конечно, в магазин зашли.

Утро нелегко дается. Особенно, когда не понятно – где ты. Потом, конечно, вспомнится. И окружающие уже узна-

ны, часть спит беспробудно, но некоторые уже шевелятся. И тут добрый какой-нибудь человек идет в магазин! Мороженое девчонкам покупает и шампанского, а себе, конечно, маленькую... И замечательно так. Пока остальные почивают – сесть вдвоем, втроем (нет, больше не надо) и тихонечко так, под философскую беседу возвращать себя в эту жизнь, а потом еще кто-нибудь проснется и бегом на голоса, скорей свои двадцать капель спиртного примет (святое) и вот, пошел уже яишенку делать, благодетель.

Шевелится потихоньку квартира, вот уж и золушки пошли посуду мыть, а ребята за гитары взялись – полегчало. И весело снова, и кто-то уже супчик бараний варганит, салатики рубят, и подкрепление звонит, главное – чтоб на работу не ходить! Или по телефону разругивай, пока говорить еще можешь. Днем, конечно, сухенького надо... Ну, кто утром малька принял – спит уже, а остальные напитками разминаются, которые новые гости принесли.

И так кружит, и кружит день за днем в веселом круговороте времени, где каждый час – праздник и шоу не кончается.

РАЗНООБРАЗНЫЕ
НАПИТКИ

БРАТУШКИ

Вот в эту знаменитую квартиру и звонила сейчас Лялька, с трудом удерживая в вертикальном положении тело Малыша, которое было, нужно признать, не слишком устойчивым.

Как и предсказывали Дреда и Ушастик, в гримерной, ровно через тридцать минут, Малыш начал шевелиться на полу. Потом сел самостоятельно и, умильно глядя на Ляльку, потребовал «дозаправки». Та, уже начавшая слегка понимать сленг закулисных аборигенов, догадалась, что требуется спиртное, и попыталась объяснить, что их ждут в гостях, а там есть все. Малыш разулыбался и поднялся с полной готовностью самостоятельно идти на праздник жизни. Подхватив гитару, он очень бодро вывел новую подругу на свежий воздух, сопровождал ее в ликероводочный магазин, оказавшийся прямо за углом, и, нежно прошептав в ушко, что он нынче не при деньгах, а нужно непременно что-нибудь братушкам принести, уговорил приобрести литровку «Столового вина №21», в просторечии называемого «водкой». Уверив Ляльку, что деньги ей «кто хошь отдаст, как только приедем», Малыш позволил посадить себя в машину, где силы его окончательно иссякли, и он снова заснул. А вытащить его из машины было уже очень непросто. Наконец, дотолкав полусонного до крыльца «с угла – налево», Лялька изо всех сил жала кнопку дверного звонка.

Открывать, однако, никто не торопился. Но присутствие большого количества людей в квартире ощущалось. Взрывы хохота, звук нескольких гитар раздавались эхом на лестничной площадке. Ясно было, что внутри веселятся вовсю. Наконец, в момент временного затишья, гуляки услышали звонковое дребезжание, и некто зашаркал открывать. Прощелкали замки, и в дверной щели появилось несколько помятое, но улыбчивое лицо, в молодой щетине и с голубыми, по-детски незабудковыми, глазами.

– О! Водка пришла! – радостно возвестило лицо, и дверь распахнулась во всю свою гостеприимную ширь.

Мужичок оказался невелик ростом, худощав, в стареньких потрепанных джинсах и клетчатой ковбойке. Он проворно освободил Ляльку от пакета со спиртным и умчался по длиннющему коридору, жизнерадостно бросив на ходу: «Заноси Малышевича». Лялька, обхватив тело Малыша двумя руками, потащила его по коридору, ориентируясь на веселый гул где-то в недрах квартиры.

Комната, где расположилась честная компания, была огромная – в три окна, с низкими подоконниками, заваленными книгами и старыми журналами. Длиннющий овальный стол стоял посредине, освещаемый лампой под оранжевым абажуром с кистями. С одной стороны стола был пристроен широкий диван, а чуть поодаль стояла громаднейшая допотопная кровать, украшенная блестящими никелированными шарами. На ней уже спали вповалку несколько человек,

и рядом на полу, завернувшись в ковер, – еще двое. Остальные же уютно устроились за столом, уставленным переполненными пепельницами, тарелками с бутербродами и стаканами. Лялька узнала и круглолицего барабанщика, и флейтистку, и клавишника, и даже кое-кого из закулисных тузовщиков. Троица из гримерной тоже присутствовала здесь и одобрительно закивала Ляльке как доброй знакомой. Литровка водки посреди стола была почти пустой, рядом под радостные восклицания была водружена новая, купленная Лялькой. Малыша уложили на диванчик, за спины сидящих, где он тут же мирно засопел. Народ дружелюбно потеснился, и Лялька пристроилась рядышком. Перед ней мгновенно возникли мутная рюмка и бутер со скрюченным сыром. Мужичок, который встретил их в прихожей, ловко разлил принесенное и, подняв стакан, произнес:

– Ну, за знакомство! Меня Митюхой звать, а тебя?

– Лялька, – ответила Лялька, улыбаясь и стреляя глазами.

Со всех сторон ребята потянулись к ней, чокаясь и произнося свои имена. Оказавшись в центре мужского внимания, Лялька обрела привычную почву под ногами. Тем более, что противной Стаси нигде не было видно.

– Ну, жажнем! – воскликнул тот, кто назвал себя Митюхой.

– Добрый вечер! – хором воскликнули гости. И – жажнули! И Лялька жажнула тоже. Водка была горькая и противно теплая, но разлилась по жилкам быстро, приводя в благост-

ное, веселое настроение. Забренчали гитары, зашумели, запели, заговорили гости, то тут, то там раздавались взрывы хохота. Заботливые руки все время наполняли рюмочку, да и народ все приходил, все приносил, снова и снова поднимались тосты, и со всех сторон мальчишки шептали в ушки всякие милые пошлости, и так как-то разнежилась Лялька, растеклась. Сидела и улыбалась счастливо, облокотившись на спящего Малыша. Так и плыла она в дымном тумане, стаканчики звенели в унисон, и казалось, что все теперь будет хорошо-хорошо. Навсегда.

НАСТОЙКА БОЯРЫШНИКА

Лялька проснулась одна, в полутемной комнате. Не было понятно, сколько дней она здесь провела, да и вообще – ночь сейчас или утро. А быть может, и вечер. И куда все остальные подевались – тоже было не ясно. В воздухе – застоялый запах табака, разрывающий легкие, голова раскалывается, язык – наждачный, и желание только одно – свернуться клубочком, накрыться с головой и заснуть снова. Но это как раз-таки и не получалось. Словомешалка, будто белка в колесе, ворочалась в черепе, и какие-то пятна плыли перед закрытыми глазами. С трудом собрав себя в кучу, Лялька поднялась, с целью исследовать помещение. Для начала рванула форточку – раз, два, – та подалась только на третий, обдав струей свежего воздуха. Стало чуть легче. Поблуждав по квартире, которая с утра выглядела совсем не столь романтично, как вечером, Лялька обнаружила немыслимо захламленную кухню. Там нашелся чайник и полупустая банка с солеными огурцами. Не будучи опытной в принятии спиртных напитков, Лялька рассолу не выпила (а ведь помог бы, ох, как помог бы) и, включив чайник, уселась на табуретку, тупо глядя на гору неглаженого белья, громоздившегося на кушетке в углу. Мысли разбегались, голова продолжала болеть, в глазах было мутно, безнадежно и уныло. Вдруг куча на кушетке как будто пошевелилась. Лялька попробовала сфокусиро-

вать взгляд в одной точке, но не смогла. Подумав, что показалось, Лялька немного успокоилась, но вдруг, куча задвигалась сильнее, и хриплый, неопределенного пола голос произнес:

– Эй, кто тут есть? Чайку бы!

Лялька аж подпрыгнула на табуретке, а в это время из бельевой горы высунулась неопознаваемая седая голова и уставилась на Ляльку красными больными глазами.

– Слышь, золушка! – прохрипела голова. – Окажи первую помощь, налей чайку! Небось, другого-то нет? – горестно продолжала голова. – Выжрали ведь все до капли, ничего на утро не оставляют, знаю я их!

С этими словами голова вытянула из горы свое тело, представ перед Лялькой стройной дамой, весьма изысканно и дорого одетой, в золотых цепочках и сияющих бриллиантовых кольцах на тонких пальцах. Вздыхая и морщась от головной боли, дама умостила на краю кушетки, опершись локтями на стол. Короткие пепельные волосы её стояли дыбом, но это нисколько их хозяйку не смущало.

– Тебя кто сюда привел, золушка? – поинтересовалась дама, пока Лялька заваривала им обоим чай.

– Малыш, – ответила та, смутившись под пристальным насмешливым взглядом красных глаз.

– А-а-а... – протянула та, – девочка Малыша, значит... Очередная... а сахар ты положила?

– Что значит... – начала, было, Лялька, но дамочка пере-

била ее:

– Послушай, а ты можешь мне сахар помешать, а? А то – укачивает, понимаешь?

Ошарашенная такой бесцеремонностью, Лялька взяла ложку и стала перемешивать сахар в стакане собеседницы, а та тем временем пустилась в откровения.

НАСТОЙКА БОЯРЫШНИКА

– Послушай, золушка, ты сама не знаешь, куда попала. Беги отсюда, да поскорей. Малыш – он что, перышко невесо-

мое, да и другие не лучше, раздолбаи. Ну и потом, он у сестры своей – Стаськи – вот где!

Тут дама предъявила Ляльке кулак, сверкнувший бриллиантовой радугой.

– А что, она ему сестра? – обрадовалась, было, Лялька.

– Ага, только на самом деле – не сестра вовсе, – последовал загадочный ответ. – Стаська наша – борона железная, и что только в ней мужики находят? – продолжала потрепанная нимфа, прихлебывая чай. Внезапно она весьма резво вскочила с места и, открыв нечто, похожее на старую хлебницу и стоявшее на столе у плиты, стала увлеченно что-то там искать.

– Есть! – воскликнула она торжествующе, выуживая на свет пыльный маленький пузырек темного стекла, в каких обычно продают в аптеке лекарства. – «Настойка боярышника» – наставительно сообщила дама Ляльке, – на семь пузырьков – три литра воды, соответственно на один – пятьсот граммов! – и для сердца, кстати, полезно! Счастье, что не вспомнили наши пропойцы о божественной опохмелочке, – радовалась она, смешивая ингредиенты и разливая мутную жидкость по рюмкам.

– Ну, с добрым утром! – воскликнула дама, опрокинув дозу залпом.

Метаморфозы, произошедшие с ней в последующие две минуты, были поистине волшебны. Румянец заиграл на бледных щеках, волосы как-то сами собой приглади-

лись, рубиновые, слезящиеся щелки глаз раскрылись и стали обычными глазами, разве что, немного томными и с волокой.

– Аделаида, – сообщила она, запивая боярышниковую смесь чаем.

– Где? – не поняла Лялька.

– Я, – последовал ответ. – А тебя как звать-то, золушка?

– Лялька.

– Оно и видно, – приснула Аделаида, – Очередная Лялька Малыша!

Лялька уже открыла, было, рот, чтоб, невзирая на разницу в возрасте, хорошенечко отmaterить наглую насмешницу, как вдруг из-под кучи белья раздался приглушенный звонок телефона. Аделаида, в два счета раскидав кучу, выудила оттуда шикарную сумку из невиданного меха, а из сумки телефон с брелоком, поблескивающим подозрительным бриллиантовым блеском, ткнула кнопку и, послушав с минутой, разразилась длиннющим монологом на английском языке. Лялька, познания которой в английском ограничивались фразами: «Сколько стоит?», «Меня зовут Елена» и «Я живу в городе-герое Матюжки», поняла, тем не менее, что разговор идет с мужчиной, по воркующим интонациям говорящей, переходящим в улыбчивое интимное сюсюканье. Окончив беседу, Аделаида налила себе еще боярышника, махнула залпом и разразилась тирадой:

– Нет, ну везде достанет, а? Сказала же – на симпозиуме

я! И за что мне эти муки, а?

– Что, за утконоса этого драного я должна терпеть такие издевательства? – Аделаида потрясла меховой сумкой перед Лялькой. – Ага, щас! Мужиков на тумбе нужно держать, как тигров, а то – не успеешь оглянуться, а они уже у тебя на горле висят!

– Вот так-то, миленький мой, – обратилась она к уже молчащей телефонной трубке, только и знаете, что голдьем закидывать из своей Америки! А у меня, может, душа не успокоилась! – возмущалась Аделаида, прихлебывая следующую порцию боярышника. – И поговорить-то не с кем!

– Знаешь, когда твой «нынешний» начинает перезваниваться с твоими «бывшими» и часами говорить о футболе – хочется бежать от них от всех на край света! Смотришь на это, слушаешь и думаешь: а было ли что-то у тебя с ними? А если и было, то как же тебя угораздило с такими занудами связаться! – горестно воскликнула она. – Вот и с тобой так будет, – пророчески резюмировала Аделаида. – Только еще хуже, быстро в тираж выйдешь, потому как ты – золушка!

Лялька, в которой боролись обида и преклонение перед «Мистером Долларом», который явно не обходил Аделаиду своим вниманием, все же вознамерилась спросить, почему ее называют «золушкой». Но тут снова раздался звонок Аделаидиногo телефона. На этот раз разговор шел по-русски.

– Да, папочка, конечно на симпозиуме, а что? Ты, между прочим, меня в перерыве поймал! Джон сказал, что я все

утро не брала трубку? Ну и ябеда, уже и тебе успел позвонить! Я же в конференц-зале звук отключаю, что ему, непонятно что ли, бревно американское,

неотесанное! Папа, он с ума меня сведет своей ревностью! Извел меня всю! Жизни никакой! И откупается какой-то штампованной ювелиркой. Хоть бы ты его образумил, научил разбираться в антиквариате, а то мне стыдно носить весь этот дерibas, которым он меня буквально завалил. Да, трудно с необразованными... Только ты меня понимаешь, дорогой. Ну, конечно, что он там видел в своей Оклахоме, кроме нефти. Ой, не говори, только расстраиваться. Все, все, не будем о грустном! Жди меня в «Европейской» через час, да, кстати, я на диете, мне только осетрину и авокадо! Пока!

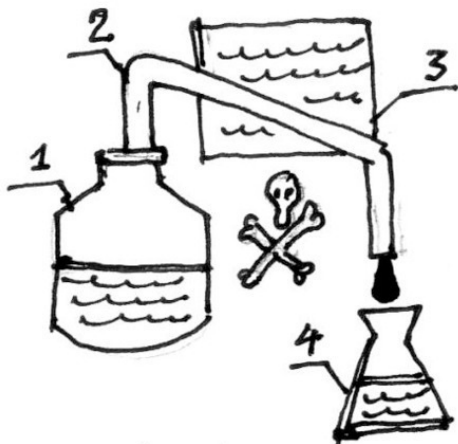
Чмокнув воздух у трубки, Аделаида залпом опрокинула остаток боярышниковой смеси, схватила «утконоса» и, выкопав из груды белья на кушетке невесомую соболью шубку, весьма бодро направилась к дверям. На пороге она обернулась и, помахав обрильянченной ручкой, сказала:

– Чао, золушка! Спасибо за чаек! И помни – беги отсюда, пока не началось!

С этими загадочными словами она умчалась, оставив за собой запах недостижимо дорогих духов.

НЕСМЕЯНОВКА

Боярышник и вправду благотворно действовал на организм, потому как Лялька, едва добравшись до обширной кровати в гостиной, рухнула и тут же провалилась в долгожданный сон. Разбудили ее мужские голоса и хохот. Приоткрыв глаза, Лялька молча наблюдала за говорившими. Хозяин квартиры, гостеприимный Митюха читал гостям – Ушастик, Дреде и еще трем молодым парням в кожаных косухах – свои стихи, а те покатывались со смеху.

НЕСМЕЯНОВКА

Под прессом общего нахлёста,
Сосед мой, воли не видав,
Вдруг рухнул навзничь. Я отвлёкся,
Пытаясь запихнуть в рукав:
Бутылку спирта,
Томик прозы,
Стакан, завернутый в платок...
В такие лютые морозы
Я отказать себе не мог —

Налил сто грамм всего,
От силы,
Смахнул с плеча седую прядь,
И, не рассчитывая силы,
Я стал соседа поднимать.
Попробовал в плечо толчок,
Потом трясти стал неспеша.
Он закрихтел, потом замолк,
Лежит и плачет чуть дыша.
Подумал я: так будет долго,
Налил себе ещё чутка,
Стал подымать, но всё без толку,
И выпил с горя я тогда.
Ташу по комнате за ворот,
А он как вклеенный лежит!
Тогда я в ухо крикнул: «Сорок,
рублей с тебя мне подлежит!»
Он вроде дёрнулся с испуга,
Но тут ещё мертвее стал.
«Ну что я тут тебе прислуга,
следить за тем, что б ты дышал?»
Товарищ мой меня не слышал,
И я расстроился совсем.
Пошел и выпил пару лишних.
А если точно, лишних – семь...
Вернулся я – их было двое,

Сосед мой и его двойник,
Но я оставил их в покое,
С размаху в пол воткнув свой лик.

Отхохотавшись, Дреда поймал в поле зрения Ляльку и поспешил привлечь внимание остальных:

– Эй, смотрите-ка, оклемалась, бедолага!

– Ты вчера уж больно плохая была, – пояснил Ушастик дружелюбно. – Совсем, что ль, пить не умеешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.